

231779

ВЫСТУПЛЕНИЕ
А. А. ПОТЕБНИ

на ученое поприще и участие въ этомъ дѣлѣ

М. С. Дринова

ПРОФЕССОРА

Ж. Б. Сумцова.

ХАРЬКОВЪ.

Электрич. Типо-Литографія Шмерковича, Московская ул., 15.

1904.

2448.4(498)70

Потемкин

4(09)

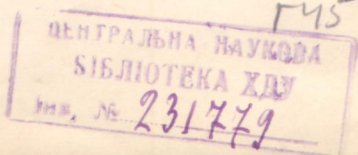
Отдельные оттиски из сборника статей по славяновѣдѣнію, посвящен-
ныхъ профессору М. С. Дринову.

Выступление А. А. Потебни на ученом поприще и участие въ этомъ дѣлѣ М. С. Дринова.

Въ исторіи русской филологической науки, въ исторіи Императорскаго Харьковскаго Университета имя профессора Александра Афанасьевича Потебни занимаетъ видное мѣсто, какъ имя глубокаго и оригинальнаго мыслителя, человѣка высокихъ нравственныхъ убѣждений, принципиальнаго и убѣжденнаго сторонника свободнаго развитія личности и народности. Вліяніе его, какъ показываютъ многочисленные о немъ воспоминанія и многочисленные отзывы о его трудахъ, было велико, и послѣ его преждевременной кончины въ 1891 г. не только не умалилось, но съ посмертными изданіями его капитальныхъ трудовъ по русскому языку и теоріи словесности все болѣе и болѣе возрастаетъ.

При несомнѣнномъ и, такъ сказать, очевидно важномъ значеніи ученой дѣятельности Потебни, естественно возникаетъ интересъ къ его талантливой личности. Въ удовлетвореніе этого интереса вполне уместно будетъ выяснитъ первые его шаги на ученомъ поприщѣ, его научное крещеніе, его диссертациі и вызванныя ими первыя по времени рецензіи. Университетскій архивъ даетъ по этому поводу любопытный матеріалъ, до сихъ поръ неизданный и никѣмъ неиспользованный. Обращеніе къ этому матеріалу въ сборникѣ, посвященномъ проф. М. С. Дринову, тѣмъ болѣе естественно и уместно, что, какъ это далѣе будетъ выяснено, многоуважаемый Маринъ Степановичъ принималъ дѣятельное участіе въ научномъ крещеніи славнаго лингвиста и былъ однимъ изъ наиболѣе доброжелательныхъ пріемныхъ его отцовъ, въ положеніи официальнаго рецензента докторской диссертациі А. А. Потебни и официальнаго его оппонента на диспутѣ при публичномъ ея защищеніи.

Въ маѣ 1851 г. 16-ти лѣтній Потебня окончилъ Радомскую гимназію съ блестящимъ аттестатомъ. По всемъ 19 предметамъ была одна отмѣтка—отлично, и тутъ же было прописано, что во всехъ пройденныхъ ранѣе классахъ отъ 1-го до 6-го Потебня за благонравіе, прилежаніе и успѣхи получалъ похвальные листы и, кромѣ того, награды за успѣхи по русскому языку.

Въ Харьковскій университетъ А. А. Потебня поступилъ въ авг. 1851 г. на юридическій факультетъ, по экзамену, отмѣтки котораго далеко не отвѣчаютъ блестящей успѣшности гимназическаго аттестата. На вступительномъ экзаменѣ Потебня получилъ по Закону Божію 3, русской словесности 4, латинскому языку 3, нѣмецкому 5, французскому 3, географіи 3, исторіи 3, физикѣ 3 и математикѣ 2.

Въ августѣ 1852 г. Потебня перешелъ со второго курса юридическаго на первый курсъ историко-филологическаго факультета, какъ значится въ его прошеніи ректору, „по волѣ родителей“, но въ своей автобіографіи Потебня говоритъ, что онъ перешелъ „отчасти по совѣту“ студента медика Нѣговскаго. Въ университетскомъ дипломѣ, выданномъ ему въ 1856 г. за подписью бывшаго въ то время ректора Фойхта и декана ист.-фил. фак. Рославскаго—Петровскаго, отмѣчено, что Потебня слушалъ философію, греческую и римскую словесность, исторію русской литературы, славянскія нарѣчія, русскую исторію, политическую экономію, статистику, педагогію, нѣмецкій языкъ—все эти предметы съ отличными успѣхами, а богословіе, всеобщую исторію и церковную исторію—съ хорошими. Во время нахождения въ университетѣ Потебня былъ поведенія отличнаго. Кстати, со словъ покойнаго профессора, добавимъ, что онъ былъ казеннокоштнымъ студентомъ и въ преклонномъ возрастѣ отзывался съ удовольствіемъ и съ похвалою о своемъ пансіонерскомъ бытѣ. При окончаніи курса Потебня представилъ сочиненіе на тему: „Первые четыре года войны Хмельницкаго, изложенные на основаніи соч. Пасторія *Bellum Scythico—Cosacicum* и лѣтописей Велички и Грабянки“, и, по одобреніи его факультетомъ, былъ утвержденъ въ степени кандидата 12 дек. 1856 г.

Тема, взятая изъ малорусской исторіи, быть можетъ, подсказанная почитателемъ всего украинскаго проф. Метлинскимъ, свидѣтельствуетъ о томъ, куда склонялись въ то время наклонности и симпатіи Потебни. Симпатіи эти были сильно укрѣплены въ Потебни его дружбой съ способнымъ, рано умершимъ студентомъ медицинскаго факультета Нѣговскимъ, любителемъ и умѣлымъ собирателемъ малорусскихъ народныхъ пѣсенъ. Нѣкоторыя думы, записанныя имъ, напечатаны у Антоновича и Драгоманова. „Въ завѣдываніи Нѣговскаго, говоритъ Потебня въ своей автобіографіи (нап. въ III оп. „Ист. рус. этнограф.“ Пыпина), была небольшая бібліотека, состоявшая изъ сочиненій на малорусскомъ языкѣ и относящихся къ Малороссіи. Этою бібліотекою я пользовался, что не осталось безъ вліянія на позднѣйшія мои занятія“.

„Какъ казеннокоштный и за неимѣніемъ незанятыхъ учительскихъ мѣстъ, говоритъ далѣе Потебня, я былъ назначенъ комватнымъ надзирателемъ въ 1-ю харьковскую гимназію. Черезъ полгода я получилъ воз-

возможность замѣнить себя другимъ, отказавшись отъ жалованья и, по совету П. А. Лавровскаго, сталъ готовиться къ магистерскому экзамену по славянской филологіи. До этого я не думалъ ни о математическихъ занятіяхъ, ни о профессурѣ. Выдержавъ этотъ экзаменъ, благодаря снисходительности П. А. и Н. А. Лавровскихъ, я оставленъ при университетѣ“...

Итакъ, по свидѣтельству самого Потебни, мысль о научныхъ занятіяхъ и о профессурѣ явилась у него лишь по окончаніи курса въ университетѣ въ 1856 г., благодаря совѣтамъ братьевъ Лавровскихъ, которые такимъ образомъ и должны быть признаны первыми крестными отцами лингвиста Потебни, особенно Петръ Алексѣевичъ Лавровскій, отношенія котораго къ Потебнѣ сначала были въ высокой степени доброжелательныя. П. А. Лавровскій, со свойственной ему энергіей, оказалъ молодому ученому на первыхъ порахъ его дѣятельности большую и разностороннюю поддержку.

Справедливость требуетъ отмѣтить, что кромѣ Лавровскихъ на Потебню, во время его пребыванія въ университетѣ, судя по его автобіографіи, въ дѣлѣ расширенія знаній и развитія любви къ изученію литературы и философій, благотворно повліяли Рославскій-Петровскій, Зернинъ и Метлинскій. Потебня говоритъ, что лекціи Рославскаго-Петровскаго, при всей ихъ стереотипности, „возбуждали движеніе мысли довольно самостоятельное“. А. П. Зернинъ говорилъ дѣльно и свободно.... Составленіе записокъ по русской исторіи, имъ читавныхъ, по словамъ Потебни, было ему лично полезно во многихъ отношеніяхъ“. Хотя Потебня и называетъ Метлинскаго слабымъ профессоромъ, но тутъ же замѣчаетъ, что изданный имъ сборникъ „Южно-рус. народ. пѣсни“ былъ первой книгой, по которой онъ учился присматриваться къ явленіямъ языка“, добавимъ языка малорусскаго, который, при всемъ богатствѣ лингвистическихъ познаній Потебни, пользовался его особннымъ расположеніемъ.

Какъ бы то ни было, вліяніе бр. Лавровскихъ на Потебню было наиболѣе крупнымъ и наиболѣе плодотворнымъ въ ученомъ отношеніи.

Посмотримъ сначала что говоритъ объ этомъ вліяніи самъ Потебня въ автобіографіи и что затѣмъ говорятъ архивныя документальныя данныя 50-хъ годовъ.

П. А. Лавровскій читалъ фонетику славянскихъ нарѣчій. Онъ познакомилъ Потебню съ грамматикой Миклошича и трудами Караджича. „Благодаря П. Лавровскому, говоритъ Потебня, я сталъ заниматься славянскимъ языкознаніемъ и оставленъ при университетѣ“. Потебня не считалъ себя послѣдователемъ П. А. Лавровскаго, что онъ и оговариваетъ прямо въ своей автобіографіи, но, не смотря на всю рѣзкость столкновенія въ половинѣ 60-хъ годовъ и полный послѣдовавшій разрывъ, Потебня

всегда считалъ себя лично многимъ обязаннымъ П. А. Лавровскому, открыто выразился о томъ въ своей автобіографіи, сохранилъ портреты братьевъ Лавровскихъ въ альбомѣ своихъ друзей, по кончинѣ П. А. Лавровскаго, прочиталъ докладъ о его научныхъ трудахъ и предложилъ почтить его память вставаніемъ.

Съ Н. А. Лавровскимъ Потебня сохранилъ наилучшія личныя отношенія до самой его кончины. Н. А. Лавровскій указалъ Потебнѣ на „Мысли объ исторіи русскаго языка“ Срезневскаго, эту небольшую, но въ исторіи русской науки „epochenmachende“ книгу. На магистерскомъ (1860) и докторскомъ (1874) диспутахъ Потебни Н. А. Лавровскій былъ официальнымъ аппонентомъ.

Обратимся къ архивнымъ дѣламъ, 22 ноября 1857 г. историко-филологическій факультетъ возбудилъ ходатайство о прикомандированіи Потебни къ университету, для приготовления къ магистерскому экзамену, съ порученіемъ преподаванія нѣкоторыхъ отдѣловъ изъ курсовъ, входящихъ въ составъ кафедръ русской словесности и исторіи литературы славянскихъ народовъ, подъ руководствомъ соответствующихъ профессоровъ, съ вознагражденіемъ по 350 руб. въ годъ—изъ суммъ, собираемыхъ за слушаніе лекцій. Министерское разрѣшеніе послѣдовало лишь 18 декабря 1858 г., съ назначеніемъ жалованья въ 400 руб. Къ этому времени Потебня уже выдержалъ магистерское испытаніе и представилъ магистерскую диссертацию „О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи“, для напечатанія которой П. А. Лавровскій исходатайствовалъ субсидію въ 250 руб. Одновременно П. А. Лавровскій представилъ свой отзывъ о диссертациі Потебни. Приводимъ его въ цѣлости, какъ въ своемъ родѣ интересный памятникъ, по аргументаціи и изложенію (сохранился при Дѣлѣ Совѣта 1858 г. № 149).

„Изслѣдованіе о символахъ народной поэзіи славянской составляеть предметъ новый, вовсе нетронутый филологами славянскими, если не принимать въ соображеніе тѣхъ отдѣльныхъ фактовъ, до которыхъ касались иногда ученые въ своихъ сочиненіяхъ, съ цѣлью уяснить посредствомъ символа то или другое условіе быта народнаго или какое-либо явленіе въ историческомъ развитіи внутренней стороны языка. Но, понятно, что въ этомъ случаѣ, во первыхъ, символъ имѣлъ значеніе посредствующее: не самъ онъ былъ цѣлью, а служилъ только средствомъ для цѣлей постороннихъ, во вторыхъ, что самое главное и что обуславливается несамостоятельностью цѣли при разьясненіи символовъ, ученые останавливались лишь на тѣхъ символическихъ выраженіяхъ, которые казались имъ наиболее важными и необходимыми для рѣшенія своей задачи. Отсюда, крайняя неприготовленность матеріала по части символики славянской, въ такой же мѣрѣ темнота ея характера и неопредѣленность значенія въ поэзіи народной, какъ въ главномъ ея средоточіи. Вотъ точка зрѣнія, съ которой прежде всего и смотришь на

трудъ Потебни о нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи. Здѣсь символы взяты основною и исключительною цѣлью всего разсужденія; источникомъ для нихъ принята народная поэзія; объемъ пространства на всѣ народы славянскіе. Последнее обстоятельство—объемъ изслѣдованія о символахъ вноситъ новую свѣтлую сторону въ значеніе разсматриваемаго разсужденія: только при пособіи сравнительнаго изученія возможенъ правильный взглядъ на дѣло. Жизнь народа такъ ушла далеко отъ древнѣйшаго быта; выраженія символическія, восходящія къ этому быту и имъ вызванныя въ поэзіи, такъ затемнились для потомства, приняли такой неопредѣленный, техническій характеръ, что узнать ихъ настоящей символъ возможно только по случайно иногда уцѣлѣвшей частности въ поэзіи какого-нибудь одного поколѣнія славянскаго. Я не говорю уже о томъ, что совокупный взглядъ на символику всего племени предлагаетъ одно изъ прочныхъ средствъ опредѣлить единство въ воззрѣніи на внѣшнюю и духовную природу всѣхъ поколѣній славянскихъ, какъ въ свою очередь раскрыть и тѣ личныя свойства, какія успѣло каждое изъ нихъ выработать въ слѣдствіе отдѣльной жизни исторической.

Но нерѣдко и знакомство съ поэзіей всѣхъ вѣтвей племени не въ силахъ уяснить коренной смыслъ символа: до такой степени иногда выраженіе его потеряло всюду свою прозрачность и первобытную пластичность. Тогда у филолога осталось другое средство дойти до кореннаго значенія—обратиться къ языку, въ частности къ слову, заключающему въ себѣ символъ и опредѣлить путемъ историко-сравнительнымъ его основное значеніе. Это средство тѣмъ надежнѣе, чѣмъ мысль тѣснѣе связана съ словомъ, и тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ менѣе современное значеніе слова можетъ ручаться за древность, съ которой стоитъ оно иногда въ прямой противоположности, и чѣмъ непогрѣшительнѣе можно достигнуть древнѣйшаго значенія съ помощью внѣшней стороны слова, при пособіи историко-сравнительнаго метода. Вотъ почему при большей внимательности къ языку и при правильномъ его пониманіи чаще и чаще обнаруживаются промахи въ заключеніяхъ ученыхъ и относительно частныхъ фактовъ въ символикѣ. И это средство не забыто молодымъ авторомъ разсужденія: языкъ идетъ у него, хотя, къ сожалѣнію, и непостоянно, наряду съ предлагаемыми символами.

И такъ уже по новости предмета, по включенію въ изслѣдованіе всего славянства, по значенію, какое дано въ немъ языку, диссертация Потебни не можетъ не обратитъ на себя благосклоннаго вниманія и не возбудитъ горячаго къ себѣ сочувствія. Но это вниманіе и сочувствіе должны усилиться еще больше при соображеніи результатовъ, до которыхъ дошелъ авторъ въ своемъ изслѣдованіи.

Странно было бы ожидать той полноты и той систематичности въ собраніи матеріала по части символовъ, какихъ въ правѣ требовать ученое сословіе при обработкѣ предмета, болѣе-менѣе извѣстнаго, имѣющаго достаточную уже литературу, значительными частями и со многихъ сторонъ входившаго въ ученые труды спеціалистовъ. Предметъ, избранный Потебнею, не таковъ; тѣмъ не менѣе выраженіе въ оглавленіи о нѣкоторыхъ символахъ скорѣе указываетъ на скромность автора,

чѣмъ на точность опредѣленія объема матеріала: количество послѣдняго слишкомъ велико, чтобы не оставить далеко позади себя объемъ понятія нѣкоторый и чтобы не признать удовлетворительною услуги для науки автора, если бы даже рѣшился онъ ограничиться только предложеніемъ этого матеріала по той системѣ, въ какой онъ сгруппировалъ его. Система эта основана на важнѣйшихъ понятіяхъ въ воззрѣніи народа на жизнь и ея условія и касается существенныхъ сторонъ этого воззрѣнія въ эпоху, недостижимую исторіей. Къ такимъ-то понятіямъ сведено разнообразное множество примѣровъ, извлеченныхъ изъ сборниковъ поэзіи славянской, по вѣсѣмъ ея нарѣчіямъ. Конечно, относительно надлежащаго пониманія примѣровъ не всегда можно согласиться съ авторомъ; точно также относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ придется, быть можетъ, перемѣнить и самую систему, но тамъ, гдѣ пролагается на цѣлинѣ путь, подобныя уклоненія отъ прямизны неизбѣжны: послѣдующему труженику, при той же любви къ дѣлу, какая высказалась въ трудѣ Потебни, при томъ же трудолюбіи, какое проникаетъ весь трудъ, весьма легко будетъ сгладить неровности и устранить отступленія.

Но Потебня не остановился на подборѣ матеріала и на его группировкѣ въ систему; онъ коснулся и самаго происхожденія, и кореннаго характера символовъ, раскрывая ихъ въ связи съ послѣдовательнымъ развитіемъ языка. Многое въ рѣшеніи этихъ вопросовъ доведено до несомнѣнной положительности и должно войти въ науку, какъ факты очищенные; многое снабжено такими догадками и обставлено такими соображеніями, которыя не могутъ не послужить облегченіемъ для окончательнаго рѣшенія другимъ. Нельзя не замѣтить, однакожь, въ этой сторонѣ изслѣдованія и увлеченій, заведшихъ кое-гдѣ молодого автора слишкомъ далеко, давъ просторъ фантазіи, при нѣкоторыхъ обличеніяхъ. Но, въ глазахъ знакомаго съ подобными работами, недостатокъ этотъ не можетъ не показаться слабымъ, особенно, когда проглядываетъ онъ только изрѣдка, какъ, съ другой стороны, не можетъ не уясниться и причина его, почти устранимая отъ обвиненія личности молодого ученаго и направленная вообще на слабое распространеніе у насъ сравнительнаго языкознанія и, въ частности, на отсутствіе по этой наукѣ особой кафедры. Какъ бы то ни было, но проблески увлеченія въ сочиненіи Потебни не въ состояніи затемнить слишкомъ видныхъ его достоинствъ: скорѣе сами они блѣднѣютъ и исчезаютъ отъ вниманія къ послѣднимъ.

Въ короткихъ словахъ мнѣніе мое о диссертациі таково: по предмету она нова, по матеріалу богата, по приѣмамъ современна, по результату во многихъ случаяхъ составляетъ пріобрѣтеніе нѣ наукѣ. Съ моей стороны остается только желать, чтобы она сдѣлалась достояніемъ всѣхъ, кому дорогъ каждый самостоятельный трудъ; и жалѣть, если судьба заставитъ остаться его въ рукописи“.

Благодаря хлопотамъ Лавровскаго, судьба оказалась болѣе милою. Книга была напечатана. Магистерскій диспутъ состоялся 28 февраля 1860 г.; официальными оппонентами были Ник. Лавровскій и Лукьяновичъ. 15 апрѣля Потебня былъ утвержденъ въ званіи магистра „славянской словесности“.

Потебня въ автобіографіи замѣтилъ, что сочиненіе Н. И. Костомарова „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“ ему, Потебнѣ, въ „нѣкоторыхъ отношеніяхъ не нравилось“, но имѣло на него вліяніе, равно какъ и статья Ѳ. И. Буслаева „Объ эпической поэзіи“. Магистерская диссертация написана подъ вліяніемъ Костомарова и, въ ряду другихъ произведеній Потебни, представляетъ интересъ, какъ показатель тѣхъ ученыхъ интересовъ и стремленій, кооторымъ Потебня остался вѣренъ всю жизнь—живого его интереса къ народной словесности и желанія опредѣлить ея формальное и символическое значенія. Нѣкотыя этнографическіе элементы, затронутые въ соч. о символахъ лишь слегка, были гораздо глубже и обстоятельнѣе разработаны Потебней въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ. Въ диссертации даны объясненія къ символическимъ представленіямъ, связаннымъ въ народной словесности съ понятіями питья, тѣхъ, сладости, огня, дыма, пыли, цвѣтовъ краснаго, чернаго и др., слезы, облака, дороги, поля, горы и др.

Въ 1865 г. вышелъ непріятный эпизодъ съ диссертацией Потебни о мнѣшескомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и нарѣчій. П. А. Лавровскій далъ о ней обширный и весьма суровый отзывъ, напечатанный въ Чт. моск. общ. ист. и древ. 1866 г. кн. 2. Хотя Потебня и написалъ возраженіе, которое не было напечатано, и сохранилось въ его посмертныхъ бумагахъ, тѣмъ не менѣе онъ призналъ основательность нѣкоторыхъ укоровъ Лавровскаго, и принялся за другую диссертацию чисто лингвистическаго характера. Работалъ надъ ней онъ долго; много работъ серьезнаго научнаго значенія было имъ издано въ промежуткѣ времени съ 1865 по 1874 г. Н. А. Лавровскій, М. С. Дриновъ и А. И. Кирпичниковъ предлагали Потебнѣ степень доктора до защиты, но строгій къ себѣ и хорошо сознававшій свои силы Потебня рѣшительно отклонилъ эту любезность, и въ 1874 г. представилъ докторскую диссертацию „Записки по русской грамматикѣ“, капитальный трудъ, вызвавшій въ области русской филологіи цѣлую ломку. Первая часть изслѣдованія печаталась въ воронежскихъ Филол. Запискахъ, вторая въ Харьковѣ; при второмъ исправленномъ изданіи обѣ части вышли совмѣстно. О „Запискахъ“ Потебни въ печати есть много похвальныхъ отзывовъ, данныхъ авторитетными специалистами, Срезневскимъ, Ягичемъ, Ламанскимъ, Ляпуновымъ, Нетушиломъ и др.; большинство ихъ сгруппировано въ книгѣ „Памяти А. А. Потебни“, изд. харьк. истор. филол. общ. въ 1892, и здѣсь нѣтъ надобности повторять ихъ.

Всѣ отзывы и рецензіи, вышедшія въ печати, предварены были официальнымъ отзывомъ М. С. Дринова, представленнымъ въ свое время въ факультетъ, и такъ какъ этотъ отзывъ послужилъ опорой для

сужденія факультета и связанъ непосредственно съ диспутомъ, то вполнѣ умѣстно будетъ извлечь его изъ архива въ цѣлости.

Представленные А. А. Потебней два сочиненія для полученія степени доктора славянорусской филологіи, содержатъ въ себѣ два отдѣла изъ его записокъ по русской грамматикѣ. Одно изъ этихъ сочиненій есть „Введеніе“, другое — обширное изслѣдованіе о составныхъ членахъ предложенія и ихъ замѣнахъ въ русскомъ языкѣ“. Введеніе только отчасти примыкаютъ къ изслѣдованію автора о составныхъ членахъ, — оно отличается общимъ характеромъ и можетъ быть названо Введеніемъ въ грамматику вообще. Въ немъ говорится о словѣ и его корнѣ, о грамматической формѣ, о формахъ синтактическихъ и грамматическихъ, о созданіи и разрушеніи грамматическихъ формъ, объ отношеніи грамматики къ логикѣ, о членахъ предложенія и частяхъ рѣчи. Въ виду разнообразія этихъ вопросовъ, я нахожу неудобнымъ останавливаться на скольконибудь обстоятельной передачѣ разсужденій автора объ нихъ. Замѣчу вкратцѣ, что въ этихъ разсужденіяхъ авторъ имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, опроверженіе нѣкоторыхъ господствующихъ и доселѣ въ русской ученой литературѣ мнѣній относительно помянутыхъ вопросовъ. Задачу эту авторъ съ своей точки зрѣнія рѣшаетъ вполнѣ: онъ обнаруживаетъ всю несостоятельность этихъ мнѣній, ихъ отсталость относительно новѣйшихъ успѣховъ языкознанія, изученныхъ авторомъ съ такою основательностью, которая даетъ ему возможность критически относиться и къ нимъ. Опровергая господствующія доселѣ мнѣнія по означеннымъ вопросамъ, г. Потебня старается по возможности, замѣнить ихъ новыми, стоящими въ полномъ соотвѣтствіи съ послѣдними выводами науки. Эта положительная сторона его „Введенія“ особенно полна въ послѣдней, 10-той главѣ, занимающейся опредѣленіемъ членовъ предложенія и частей рѣчи и имѣющей ближайшее отношеніе ко второму, обширному изслѣдованію автора. Изслѣдованіе это посвящено извѣстному кругу синтактическихъ явленій, группирующихся около составныхъ членовъ предложенія. Оно раздѣляется на слѣдующія четыре части: 1) Составное сказуемое и приложение, 2) Вторые ковенные падежи или составное дополненіе, 3) Неопредѣленное наклоненіе, 4) Творительный падежъ.

По опредѣленію г. Потебни, не согласному съ опредѣленіями Востокова, Буслаева, отчасти Миклошича и другихъ, *составное сказуемое* есть сказуемое, состоящее изъ двухъ частей, глагола и имени, изъ коихъ ни одна сама по себѣ не можетъ быть названа сказуемымъ. Имя, входящее въ составъ составнаго сказуемаго, есть атрибутъ, грамматическое опредѣленіе, представляющее только ту особенность, что присоединяется къ своему опредѣляемому не прямо, подобно опредѣленію въ тѣсномъ смыслѣ, а черезъ посредство глагола. Предикативное имя, будучи опредѣленіемъ, должно въ чемъ нибудь обнаружить свою мыслимость въ опредѣленіи, т. е. не можетъ стоять внѣ законовъ согласованія. Если подлежащее есть всегда именительный падежъ, то и предикативное имя всегда стоитъ въ томъ же падежѣ. Исходя изъ этого, опредѣленія второй части составнаго сказуемаго, авторъ, вопреки многимъ, не считаетъ творительнаго падежа въ „былъ солдатомъ“ и родительнаго

въ „Петръ Великій былъ высокаго роста“ ни сказуемымъ, ни частью сказуемаго. Въ составное сказуемое, кромѣ имени, входитъ и предикативная связка. Такою связкою могутъ быть не только глаголы, означающіе бытіе въ покоѣ (sein) и движенія (wenden), какъ думаетъ Миклошичъ, но и всѣ глаголы, допускающіе или требующіе предикативнаго именительнаго. Весьма справедливо авторъ считаетъ бесплодную попытку Миклошича опредѣлить глаголы составнаго сказуемаго ихъ отвлеченностью сравнительно съ конкретностью остальныхъ: „такое опредѣленіе могло бы имѣть мѣсто только по отношеніи къ глаголамъ не и бы, да и то лишь въ позднѣйшій періодъ развитія языка“. Чѣмъ далѣе въ древность, тѣмъ болѣе сходства представляютъ глаголы не и бы съ остальными и тѣмъ труднѣе различать ихъ роли въ предложеніи.

Особенный видъ составнаго сказуемаго получается тогда, когда въ предложеніи находится аппозитивное причастіе, настоящаго или прешедшаго времени (ъ, въ) дѣйствительнаго залога. Аппозиція вообще болѣе самостоятельна по отношенію къ опредѣляемому, чѣмъ атрибутъ: „она стоитъ на переходѣ отъ предиката къ атрибуту“. Но когда на мѣстѣ ея находится одно изъ названныхъ причастій, предикативность ея увеличивается до того, что функція ея дѣлается сходной съ функціей глагола (глагольнаго) сказуемаго. Это проявляется, между прочимъ, въ отдѣленіи аппозитивнаго причастія отъ сказуемаго союзомъ. Такая аппозиція есть *второстепенное сказуемое*, и если она происходитъ отъ глаголовъ, требующихъ второго именительнаго, то она сама можетъ имѣть при себѣ второй именительный,—въ такомъ случаѣ мы получаемъ *составное приложеніе*.

Составное дополненіе является въ тѣхъ случаяхъ, когда составное сказуемое невозможно, т. е. когда въ предложеніи находится одинъ изъ глаголовъ, недопускающихъ второго именительнаго. Въ предложеніи съ составнымъ дополненіемъ первый косвенный падежъ соответствуетъ субъекту предложенія съ составнымъ сказуемымъ, второй же его предикативному атрибуту. Г. Потебня приводитъ два соответственныхъ предложенія, одно съ составнымъ сказуемымъ, другое съ составнымъ дополненіемъ и на этихъ примѣрахъ нагляднымъ образомъ поясняетъ свою мысль.

Неопредѣленное наклоненіе, по мнѣнію г. Потебни, вносится въ языкъ особое составное сказуемое, состоящее не изъ глагола и имени, а изъ двухъ видоизмѣненій глагола. Вопреки общепринятому почти обычаю въ русской грамматической литературѣ объяснять синтаксическія особенности неопредѣленнаго наклоненія изъ его именнаго значенія, нашъ авторъ объясняетъ эти особенности изъ его глагольнаго значенія. Не отрицая падежнаго происхожденія неопр. накл., онъ весьма убѣдительно доказываетъ, что въ синтаксическомъ отношеніи давно перестало быть именемъ, превратилось въ родъ глагола и стремится къ полному сліянію съ нимъ, какъ показываютъ языки сербскій и болгарскій, въ которыхъ неопред. накл. вытѣснено личнымъ глаголомъ. „Особое назначеніе неопред. искл. есть служить второстепеннымъ, зависимымъ сказуемымъ“,—вотъ почему разсмотрѣніе его нашло себѣ мѣсто въ изслѣдованіи о составныхъ членахъ предложенія. Такъ, говоря въ

общихъ чертахъ, г. Потебня опредѣляетъ тѣ члены предложенія, которые отъ избралъ предметомъ своего изслѣдованія. Составные члены предложенія суть принадлежность древняго славянскаго языка, за немногими исключениями, общая ему съ другими древними индоевропейскими языками. Въ позднѣйшемъ языкѣ эти древнія синтактическія формы частью замѣняются другими, новыми, частью же измѣняютъ свой видъ и значеніе. Въ своемъ изслѣдованіи г. Потебня разсматриваетъ подробно всѣ примыкающія сюда синтактическія явленія, не исключая даже мельчайшихъ. Для каждаго изъ этихъ явленій у него съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ и добросовѣстностью подобраны примѣры не только изъ древнеславянскаго и русскаго, но и изъ другихъ славянскихъ нарѣчій, въ исторіи и современномъ состояніи которыхъ онъ обнаруживаетъ основательныя свѣдѣнія. Тамъ, гдѣ казалось нужнымъ, онъ сопоставляетъ съ славянскими примѣрами примѣры изъ другихъ родственныхъ языковъ, греческаго, древне-нѣмецкаго и особенно литовскаго. Богатый матеріалъ, хорошо подобранный и мѣтко сопоставляемый, даетъ объясненіямъ автора основательность и убѣдительную силу. При объясненіи многихъ отдѣльных явленій авторъ расходится со взглядами на нихъ прежнихъ изслѣдователей и весьма часто вступаетъ въ полемику съ Востоковымъ, Срезневскимъ, Буслаевымъ, Некрасовымъ, Шлейхеромъ, Миклошичемъ и др. Основательность мнѣній, отстаиваемыхъ имъ въ этой полемикѣ, въ большинствѣ случаевъ, доказана съ достаточною ясностью, — этого нельзя сказать только относительно весьма немногихъ спорныхъ вопросовъ, къ которымъ, между прочимъ, принадлежитъ вопросъ о происхожденіи дательныхъ самостоятельныхъ. Я вполнѣ согласенъ съ доводами г. Потебни противъ объясненія Миклошича, производящаго этотъ оборотъ изъ весьма сомнительнаго дательнаго мѣста, но не могу вполнѣ согласиться и съ его объясненіемъ, производящимъ дательный самостоятельный изъ перваго зависимаго дательнаго, т. е. изъ дательнаго, служащаго дополненіемъ главнаго сказуемаго. — На мой взглядъ такое объясненіе вѣрно только по отношенію къ тѣмъ оборотамъ, въ которыхъ представляется какая-нибудь возможность возстановить ихъ зависимость отъ главнаго сказуемаго, какъ въ напр. „попови крестяще (=ю) дитя, къ себѣ ищемъ (ему, попови) обратити“, „бѣбо клятвой кляся... яко, добывше ему землѣ нѣмецкая, дати ему всю Романови“. Но принять это объясненіе и для тѣхъ случаевъ дательнаго самостоятельнаго, въ коихъ невозможно отыскать никакого слѣда зависимости отъ главнаго сказуемаго, каковы: „епископу слезы проливаючи и молящюся ему... онъ же не восхотѣ“, съдѣя же Глѣбови Юрьевичу въ Кіевѣ... приде множество половець“. Г. Потебня находитъ возможнымъ такое удаленіе этого дательнаго самостоятельнаго отъ главнаго сказуемаго, но онъ не доказываетъ этой возможности фактами, да и врядъ ли бы могъ ее доказать. Тоже самое можно замѣтить и относительно предположенія его касательно происхожденія родительнаго самостоятельнаго, который, по этому предположенію, произошелъ изъ зависимаго родительнаго. Касаясь синтактическихъ явленій въ другихъ языкахъ, нашъ авторъ съ точки зрѣнія славянскаго языка находитъ объясненія нѣкото-

рыхъ изъ нихъ неосновательными. Это вводитъ его въ полемику съ Гриммомъ по отношенію къ чешскому языку, съ Курціусомъ по отношенію къ греческому, съ Билештейномъ и Шлейхеромъ по отношенію къ латышскому и литовскому. Мнѣнія, которыя г. Потебня защищаетъ въ этой полемикѣ, заслуживаютъ полнаго вниманія.

Разсмотрѣніе составныхъ членовъ предложенія и ихъ замѣнъ въ новомъ языкѣ приводитъ автора къ слѣдующимъ выводамъ касательно отличій новаго языка отъ древняго: Въ древнемъ языкѣ существуетъ недостаточное синтактическое различіе и даже безразличіе глаголовъ служебныхъ и знаменательныхъ и такое господство въ предложеніи началъ согласованія, при которомъ члены предложенія слишкомъ однородны. Употребленіе причастія, формы промежуточной между именемъ въ тѣсномъ смыслѣ и глаголомъ, было гораздо обширнѣе въ древнемъ языкѣ, чѣмъ въ новомъ, и причастіе могло имѣть такую степень относительной самостоятельности и предикативности, какая въ новомъ возможна лишь въ личномъ глаголѣ и отчасти въ неопредѣленномъ наклоненіи. Вслѣдствіе этого въ древнемъ предложеніи, заключающемъ въ себѣ причастіе, нѣтъ еще рѣшительнаго преобладанія глагола и вытекающаго отсюда строгаго единства. Такое предложеніе отличается недостаткомъ связности: между частями его замѣтны еще несросшіеся швы, которые языкъ старается укрѣпить союзами. Въ новѣйшемъ же языкѣ согласуемость ограничивается разложеніемъ составнаго сказуемаго на два предложенія, связанные союзомъ, образованіемъ дѣепричастія, увеличеніемъ употребленія нарѣчія на счетъ согласуемаго прилагательнаго, случаями замѣны причастія неопредѣленнымъ наклоненіемъ, замѣною вторыхъ согласуемыхъ падежей частью падежами съ предлогомъ, частью творительнымъ падежемъ. Число глаголовъ, входящихъ въ составное сказуемое, уменьшается, что, вмѣстѣ съ другими явленіями, приводитъ къ выдѣленію чисто формальной связки. Явленія эти при всемъ своимъ разнообразіемъ имѣютъ то общее, что составляютъ результатъ стремленія къ дифференцированію членовъ предложенія. Въ предложеніи, какъ въ животномъ организмѣ, связь частей увеличивается по мѣрѣ увеличенія различенія ихъ функций.

Особенная важность одной изъ замѣнъ вторыхъ сказуемыхъ падежей, именно замѣны ихъ творительнымъ падежомъ, побудила автора посвятить ей особенную главу. Въ планъ этого изслѣдованія входитъ одинъ лишь творительный предикативный. Но въ виду связи его съ другими способами употребленія творительнаго авторъ нашелъ нелишнимъ разсмотрѣть и эти послѣдніе въ своемъ изслѣдованіи въ видѣ отступленія. Такое отступленіе тѣмъ умѣстнѣе, что русская ученая литература не представляетъ никакихъ изслѣдованій, которыя могли бы сколько нибудь облегчить трудъ нашего автора. Этими побужденіями вызвано обстоятельное изслѣдованіе всѣхъ способовъ употребленія творительнаго падежа, которое по своей обширности могло бы составить отдѣльную монографію. По мнѣнію г. Потебни, творительный предикативный, это своеобразнѣйшее явленіе славянскаго и латинскаго языковъ, есть явленіе сравнительно новое: оно слагалось и образовывалось до послѣдняго времени, было вытѣсняющимъ, а не вытѣсяемымъ. Отста-

ивая это мнѣніе, нашъ авторъ становится противникомъ Шлейхера, въ особенности Миклошича, утверждающаго, что тв. пред. есть очень древняя особенность славянскихъ языковъ, что первоначально онъ былъ свойственъ всемъ славянскимъ нарѣчіямъ и что употребленіе его въ нихъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе ограничивается въ пользу вторыхъ предикативныхъ падежей подъ вліяніемъ синтаксиса классическихъ языковъ. Мнѣніе г. Потебни, выведенное изъ болѣе обширнаго круга наблюдений, изъ болѣе глубокихъ основаній, намъ кажется болѣе близкимъ къ истинѣ. Жаль только, что авторъ не остановился на ближайшемъ опредѣленіи времени возникновенія тв. пред.; упущеніе это внесло нѣкоторую неясность, неопредѣленность, дало поводъ къ нѣкоторымъ натяжкамъ. Повидимому, онъ не допускаетъ никакой связи между развитіемъ разсматриваемаго явленія въ славянскомъ и литовскомъ языкахъ и полагаетъ, что оно развилось совершенно самостоятельно какъ въ томъ, такъ и въ другомъ уже постѣ обособленія ихъ. Не находя присутствія тв. пред. въ Остром. Ев. и Саввиной книгѣ, нашъ авторъ заключаетъ отсюда, что его не было въ славянскомъ языкѣ и во время начала слав. письменности. А между тѣмъ Миклошичъ находитъ его въ другихъ слав. рукописяхъ, столь же древнихъ, какъ Остром. Ев. и Сав. Кн., именно въ Супрасльской рукописи и въ рукописи, содержащей въ себѣ XIII словъ Григорія Богослова. Случаи употребленія тв. пред. въ Супр. рук. извѣстны г. Потебнѣ, но онъ устраняетъ ея показанія замѣчаніемъ, что Остр. Ев. и Сав. Кн. по характеру языка древнѣе Супр. рук., „относимой къ XI ст.“ и что „присутствіе въ ней тв. пред. между прочимъ служитъ указаніемъ на то, что языкъ ея, по характеру, позднѣе языка Остр. Ев.“ Для меня это замѣчаніе не совсѣмъ ясно. Если авторъ хотѣлъ сказать, что Супр. рук. позднѣе XI в., то я съ нимъ никакъ не могу согласиться. Если же онъ только увѣренъ, что въ Остр. Ев. мы имѣемъ точный списокъ съ болѣе древняго списка и на этомъ основаніи заключаетъ о сравнительной древности его языка по отношенію къ языку Супр. рук., то ему слѣдовало бы доказать это болѣе убѣдительными доводами. Присутствіе или отсутствіе въ этихъ рукописяхъ тв. пред., древность которыхъ еще не доказана, не можетъ быть такимъ доводомъ. Кромѣ Супр. р. мы имѣемъ еще другую рук. XI в. съ слов. Григорія Богослова, въ которой также встрѣчается тв. пред. Показанія этой рукописи оставлены нашимъ авторомъ безъ вниманія.

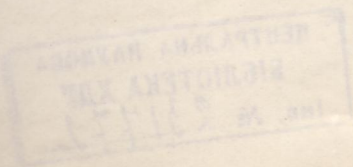
О нѣкоторыхъ другихъ недосмотрахъ, замѣченныхъ мной въ разсматриваемомъ изслѣдованіи, считаю излишнимъ распространяться. Замѣчу только, что они нѣсколько не уменьшаютъ важности этого труда, который безспорно составляетъ важное приобрѣтеніе для науки о русскомъ языкѣ, уже обогащенной авторомъ и другими капитальными грамматическими трудами: разумѣю его „Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка“, „Замѣтки о малорусскомъ нарѣчій“ и рядъ критическихъ статей по поводу книгъ Гейтлера, Колосова. Разсматриваемый новый трудъ автора тѣмъ важнѣе, что предметъ его взятъ изъ области синтаксиса, самой необработанной части грамматики. Излишнимъ считаю прибавлять, что трудъ этотъ вполне достигаетъ той цѣли, для ко-

торой онъ представленъ въ факультетъ. Подлинный подписалъ доцентъ Дриновъ“.

Этотъ отзывъ М. С. Дринова о диссертациі Потебни дѣлаетъ честь самому рецензенту. Нужно сказать, что проф. Дриновъ занялъ въ Харьковскомъ университетѣ кафедру славяновѣдѣнія въ 1873 г., и, очевидно, историко-филологическій факультетъ, имѣвшій тогда во главѣ своей такого солиднаго слависта, какъ проф. Н. А. Лавровскій, уже въ то время, на другой годъ харьковской службы проф. Дринова, высоко оцѣнилъ его ученую компетентность, поручивъ ему составленіе отзыва о такомъ глубокомъ изслѣдованіи, какъ „Записки“ Потебни. М. С., надо отдать ему справедливость, вполне справился съ своей трудной задачей. Потебню, какъ извѣстно, трудно читать, и еще труднѣе рецензировать. Неоднократно специалисты отмѣчали эту особенность изслѣдованій Потебни. Такъ, проф. И. В. Нетушилъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ синтаксиса, писалъ, что „искусное сочетаніе историко-сравнительнаго и философскаго направленія, какое рѣдко встрѣчается въ исторіи языковѣдѣнія, придаетъ синтаксическимъ изслѣдованіямъ пр. П. особый интересъ, хотя и требующій со стороны читателя серіознаго углубленія“. Проявивъ вполне такое „серіозное углубленіе“, М. С. сохранилъ ясность мысли и стройность построеній и вмѣстѣ съ тѣмъ проявилъ полемическую сдержанность и доброжелательство личнаго отношенія, свои обычныя, дорогія черты, сообщая М. С. Дринову, какъ ученому судѣ, симпатичный образъ хорошаго человѣка.

24 Ноября 1874 въ аудиторіи № 1 состоялся докторскій диспутъ А. А. Потебни. Официальными оппонентами были Н. А. Лавровскій и М. С. Дриновъ. Въ печати не сохранилось указаній. Единственная выходившая въ то время въ Харьковѣ газета Харьк. Губ. Вѣд. о диспутѣ умолчала. Мѣстный отдѣлъ въ то время въ этой газетѣ почти вполне отсутствовалъ. Впрочемъ, для газеты и поэмы тутъ не было. Диспутъ имѣлъ строгій академическій характеръ; возраженія и защита вращались въ кругѣ мало кому доступныхъ спеціальныхъ вопросовъ и съ обѣихъ сторонъ проведены были вполне серіозно. Публики, однако, было много; аудиторія была полна, и докторская степень была объявлена факультетомъ при громкомъ одобреніи публики.

Проф. Н. Θ. Сумцовъ.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100

11K